

ЭТА ВЫСТАВКА — уникальна, ибо повествует не только об отце и сыне Лансере, но и открывает нетривиальный поворот: Кавказ, Грузия, Дагестан, небо и горы.

В Доме русского зарубежья открылась экспозиция "Лансере. Отец и сын" с подзаголовком "К 150-летию со дня рождения Е.Е. Лансере". Итак, два Лансере, два Евгения, два гения. Две страницы в нашей коллективной биографии: скульптор Евгений Александрович и художник Евгений Евгеньевич. Оба увлекались кавказскими видами, ремёслами и нравами. Обоих почитают в тех краях как бытописателей гор и горцев.

Александр Бенуа писал о Лансере-старшем: "Однажды среди наших гостей я заметил новое лицо — человека с заострённой бородкой, одетого совсем не так, как другие, — в кафтан без пуговиц и в шаровары. На ногах у него были мягкие черкесские сапоги, а на голове странная кавказская шапочка. Уже одно это было поразительно, но ещё поразительней было то, что являлся этот человек всегда верхом на казачьей лошади".

Лансере — красивая французская фамилия. Их предок Поль Лансере оказался пленён на Бородинском поле, остался, прижился, вступил в брак (по любви!) с балтской немкой Ольгой фон Таубе. И вот сложилась династия. Внук сделался именитым скульптором, чьей страстью с детства были лошади. В юности он рисовал их, лепил из глины, потом пришла пора делать более серьёзные вещи, в частности, из бронзы.

В те годы были популярны так называемые кабинетные скульптуры — ими украшали громоздкие письменные столы, уставленные чернильницами, лампами, часами и пресс-папье. Кабинетные скульптуры Лансере пользовались спросом у высшей знати, в том числе у Александра III. К тому же в моде была кавказская тема: экзотика, опасность, дикая сила.

На выставке можно увидеть "Курящего черкеса", "Казака со знаменем", "Осетина с убитой газелью", "На джигитовке", "Табун кабардинских лошадей" и ещё ряд работ. Все они поражают искромётной динамикой. Автор буквально вживался в ту вихревую атмосферу, каковую хотел явить в своих произведениях. Если смотреть придирчиво, то замечаешь, что анатомию человека Лансере-старший знал несколько хуже анатомии лошади, словно бы всадники были тут не главными, а всё внимание уделялось неистовым или, наоборот, спокойным лошадям.

"Внешняя форма папиных вещей мне очень нравится; часто она совершенна, ещё чаще она красива, мила; иногда с погрешностями, а иногда почти совсем неудачна. Как часто я люблюсь папиными вещами; реже чуть-чуть боюсь за них перед критикой; очень редко они меня мучают, огорчают своею ошибкою. Но то, чем я наслаждаюсь постоянно и во всех вещах, за что я их обожаю и ставлю их на самую высокую ступень, — это тихая, деликатная, дышашая любовью поэзия, которой они все без исключения проникнуты. Какого громадного совершенства должна достигнуть холодная, чисто пластическая форма, чтобы сравниться с этою тёплой, великою поэзией", — писал Евгений Лансере — младший в своих дневниках.

Убы, Евгений Александрович Лансере умер очень рано — ему не исполнилось и сорока лет, но он успел передать своему сыну любовь к кавказскому региону и к неповторимой радости гор, лошадей, высокого неба.

ЕВГЕНИЙ Евгеньевич больше связан с типичными для Серебряного века сюжетами: тут и виньетки для журнала "Мир искусства", и петербургские зарисовки, и портреты друзей, и ностальгические картины Галлантного столетия, вроде "Императрицы Елизаветы Петровны в Царском Селе". Тем интереснее кавказская эпопея Лансере-младшего.

Отправным пунктом явилась женьтба в 1904 году на Ольге Арибушевой, дворянке, дочери инженер-путейца. Её портрет кисти Зинаиды Серебряковой также представлен на выставке. Новоиспечённые супруги Лансере отправились в свадёбное путешествие по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, затем через Сухум, Гагры и черноморское побережье в Крым. То было повторение вояжа, который когда-то совершили родители художника.

Перед нами — альбомы с зарисовками. Тут и пейзажи, и типыжи, и оружие, и народные костюмы. Всё будоражило, всё казалось волшебным — и запахи трав, и песни, и одежда. К слову, на одной из выставочных витрин представлена полная

экипировка горца. В статье "Несколько слов о моей жизни на Кавказе" много позднее, в 1936 году, Евгений Лансере — младший вспоминал: "Отсутствие первое время больших заказов и климатические условия Кавказа, позволяющие работать под открытым небом почти что девять-десять месяцев в году, новизна и захватывающее богатство чисто живописных и этнографических тем вокруг сделали то, что главнейшей моей художественной работой стали этюды с натуры вместо кабинетной работы предыдущих лет. Мои первые работы ещё шли от рисунка, это были большею частью тщательные рисунки карандашом, только подсвеченные акварелью. Но мало-помалу, под влиянием всё более захватывающего меня интереса к краскам, к цвету, карандаш в моей руке стал вытесняться кистью".

Следующая поездка на Кавказ состоялась в начале 1910-х годов,

РАДОСТЬ ГОР

Экспозиция отца и сына Лансере в Доме русского зарубежья

когда Лансере создавал иллюстраци к толстовскому "Хаджи-Мурату". Среди экзонатов — рисунки к этому произведению, а также изданная книга. Лансере хотел сам пройти по тем краям, где происходило действие повести. Примечательно, что Лансере после революции обосновался в Тифлисе. Он подвизался в качестве рисовальщика в Музее этнографии, выезжая в экспедиции с Кавказским археологическим институтом. С 1922 года Лансере — профессор Академии художеств Грузии, а в 1927 году он был командирован на полгода в Париж от Академии художеств Грузии.

Тифлис — удивительный город: сплетение судеб, изумительные ароматы, узкие улочки, море цветов. Уж точно не Европа, но и не Восток. Космополитичный город — здесь не только грузины, но и армяне, русские, евреи, французы, немцы. Главильный котёл славного Кавказа! Лансере наблюдал: "Тифлис поразил после Питера не только миниатюрностью, но ещё и малолюдством и в особенности страшной темнотой улиц. Но лица куда благообразнее. Всё же грузины — красивая нация, не говоря уже, что женские лица здесь красивее. И потом, сколько света и тени! Опять люблюсь характерными фигурами — в бурках,

«Тифлис». Художник Евгений Лансере-младший. 1925 г.

башлыках, в высоких тонких сапогах. А горы! А виды у моста!" Восхитительна княгиня (на тот момент уже бывшая, так как все сословия были упразднены) Манана Орбелиани в национальном платье. Гордая, с прямой спиной, грузинка смотрит на нас по-доброму, но немного свысока. Замечателен тифлисский пейзаж, сделанный в 1925 году. Синие горы, освещённые ярким солнцем, удивительная архитектура, плотно стоящие друг к другу дома — это словно иллюстрация к сказке о неведомом городе, случайно открывшемся взору. "Тифлис, Тифлис! В Тифлисе живёшь с небом, горами, долями...". — восклицал художник, всё больше влюбляясь в эту фантастическую реальность.

Ещё одной страстью Лансере был Дагестан — художник предпринял ряд этнографических поездок в этот регион, каждый раз привозя с собой новые впечатления и свежие рисунки. В 1920–1930-х годах всюгу развивалась этнография как наука: учёные выезжали в самые отдалённые уголки, собирая песни, поверья, присказки, образцы местных вышивок. Художник-этнограф, да ещё и такой квалификации, как Лансере-младший, был не просто

находкой, но подлинным бриллиантом. Его типыжи — это не манекены, обряжённые в местные костюмы, а прежде всего характеры. Обычно же художник-этнограф ограничивался внешней формой.

Вот женщина из аула Гочоб, что в переводе с аварского означает "в ложине". Строгое лицо, слегка поджатые губы, настороженные глаза. Для неё это позирование — нечто новое и странное в её размеренной жизни. Одежда красочна: тут и фиолетовый, и оранжевый, и жёлтый. А тут кумык, представитель одного из коренных народов Дагестана, Чечни и Северной Осетии. Задумчивый человек, взгляд не на зрителя, а как бы вглубь себя. Ясно, что позирует впервые, но держится с достоинством. На Кавказе очень ценятся отношения меж людьми, уважение, братство. Лансере к каждой своей модели относился, как к личности, и уже неважно, кого приходилось изображать: пастуха или княгиню.

Что ещё отличало Евгения Лансере? Он не страшился гор. Напротив, говорил восторженно: "...Какое влекущее к себе впечатление на меня всегда производят горы. Ни что мне не кажется столь таинственным, столь заманчивым, а особенно

снежные вершины. Не могу от них оторваться". Лансере пленился той природой и этими народами. Прекрасны рисунки, связанные с дагестанским селом Тидиб, — несмотря на тесноту построек, ощущается необозримое пространство.

Среди экзонатов — огромная инсталляция с кавказским ковром, кувшинами и кумганами, автопортретом художника, посудой и постанками. Собственно, оформление выставки надо похвалить отдельно — всё лаконично и при этом ярко.

В отличие от своей родной сестры, Зинаиды Серебряковой, он не уехал за границу, предпочтя оставаться на Родине. Кавказский период закончился в 1934 году, когда Лансере переехал сначала в Москву, а потом в Ленинград, чтобы преподавать в Академии художеств. Параллельно с этим он много писал и рисовал, отдавая предпочтение книжной иллюстрации. Оставался аполитичен, альими флагами не размахивал, но делал своё дело. О, да. В 1943 году Лансере получил Сталинскую премию второй степени. Что ж, Советская власть всегда ценила умных и талантливых.

Галина ИВАНКИНА

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру

ЧЕТВЁРТЫЙ ГОД сводки новостей, речи стратегов и харизматиков, тексты военкоров и телеграм-реплики фронтовиков — истинная словесность нашего времени. Так как все они о действительном эпосе, о жизни и смерти сражающихся или бегущих современников, променять их на искусство не представляется возможным. Разбавить, совместить — тоже трудно. Читать произведения о Специальной военной операции мне не хотелось. Зачем двигаться к правде таким обходным путём? Гениев литературы сейчас нет, а если и есть — не художественные миры создают, а ушли в философию истории и публицистику.

И всё же я решил/и начать чтение новейшей военной прозы, когда главным победителем национальной премии "Слово" стал Дмитрий Филиппов с романом "Собиратели тишины". С него и стартовал. Потом были "Ромаядины" и "Первый пленный" Алексея Шорохова, "Донецкое море" Валерия Троицкой, "Я здесь не женщина, я фотоаппарат" Анны Долгарёвой, "Дневник добровольца" Дмитрия Артиса, "Моя Новороссия. Записки добровольца" Евгения Николаева, "Как исчезает дым" Платона Беседина.

Филиппов, Шорохов, Артис, Николаев ушли на фронт добровольцами. Шорохов был демобилизован после тяжёлого ранения. Филиппов и Николаев продолжают оставаться на передовой. Долгарёва и Тро-

Чухлебова "владеет лёгким способом завязать с сатанизмом". У Троицкой и Беседина женщина превращается в центр такого глобального и глобалистского дионисийства, что дьявол может считать себя частично воплощённым. Такова Лариса в "Донецком море": баба с отточенным эгоцентризмом, с быстрым превращением любви и простой совместности в вопрос о чёткой прагматике, с ненавистью к мужу-ополченцу Олегу и всей России, с изменой, предательством, смертью. Не менее заметная роль у Маши из третьей части ("Предчувствие февраля") книги "Как исчезает дым". Бросая мужа, подбрасывая детей, проваливаясь в ад самореализации, эта Мария справляется с заменой демонов на саму себя и превращает жизнь Даниила в поиск своей Голгофы.

Просто и категорично? Да! Тот, кто ждёт от нашей военной прозы полифонию, потонов и виртуозного психологизма, дожждётся их не слишком скоро. Идёт война, работает цензура — не государственная, а внутренняя. Кто видит бой и беду вокруг него, не может писать о русско-украинском братстве и даже о трагедии превращения украинца во врага. Не способен вести речь о позднесоветской вине за рождение поколения соседней-врагов. Потом будет для этого время, сейчас его ещё нет.

Вот Алексей Варламов в "Одсуне" пытается: русский тормоз Славик — потрясающая

русского постмодерна". Цели постмодернизма — не дружеские, но методы его надо использовать! Жуть, личностная энергия и субъективная сила модерна должны быть на русской стороне!

А что имеем сейчас? Полноту военной повседневности — и это, конечно, уже много, это уже хорошо. Анна Долгарёва и Дмитрий Артис: окопы, подвалы, боль, блиндажи, портреты; иногда лица собираются в судьбы. Валерия Троицкая: жизнь и смерть донецкой семьи как эпос нашего времени, как русское воспитание многое выдержавшей девочки Кати. Алексей Шорохов (увы, до сих пор не прочитал его "Бранную славу"): православное собрание фактов войны и мира в речь о подвиге и падении. Дмитрий Филиппов (и вот тут мне ещё интереснее!): рационально построенный роман о вертикальном движении мужчины от кресла чиновника к служению сапёром, от сложности и нравственных интриг Великой Отечественной к парадоксам СВО, от двойственности событий и оценок — к их преодолению в итоговом отрицании "ждунов" и циников. Платон Беседин (к нему стоит прислушаться!): окопной правды нет, отсутствует линия боевого соприкосновения; есть Донбасс как Страшный Суд, как уничтожение нового Старогиноа и апология словесника Даниила, обретшего силы дотянуться до креста войны.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ

Заметки о прозе эпохи СВО

ицкая — журналисты, однако это слишком скромная и недостаточная характеристика. Особенно для Анны Долгарёвой, которая и поэт, и волонтер, и военный корреспондент. Севастопольца Беседина нельзя назвать мастером военной прозы, он не пишет о сюжетах линии боевого соприкосновения. При этом "Как исчезает дым" в нашем исследовании занимает уж точно не последнее место. Иногда контекст войны больше говорит о трагедии 2020-х, чем сама война! Да и подзаголовок этого материала специально расширяет проблему до "эпохи СВО".

Когда произносишь приведённые имена и названия, будь готов встретиться с гордыней ряда профессионалов-гуманитариев: "Не наша война, в ней всё неправильно! Не наша поэтика: никто из Z-авторов не сравнится ни с Володякиным, ни с Варламовым, ни с теми, кого называли иноагентами! Они — мастера-художники, а о нынешней войне пишут милитаристы, делающие имя за счёт пропагандистской риторики!". Многих интеллигентов тошнит от неожиданного времени и постоянного страха. Вроде бы замечательно шла операция по демонтажу тоталитарных дискурсов силами постмодернистской деконструкции, но вместо либеральной постистории вдруг пришла война!

В книге Евгения Николаева встретил слова, предлагающие оценить тяжесть расширения Спецоперации. Прежде всего её вытягивают на себе те, кто родился в 70-х и 80-х годах. Драма заключается в том, что Советский Союз "разбазарили" их отцы, а же собственные дети "спрыгались в тик-ток пещерах". Следовательно, поколение сорокалетних — последний шанс для России.

НОВАЯ РУССКАЯ проза о войне ставит зеркало перед всем литпроцессом последних десятилетий. Это зеркало реальности, полное боли и смерти, часто показывает толпу говорливых аутсайдеров, завязанных на методиках выших литературных курсов, на проектности, рекламе и трансформации катарсиса в релаксацию. Особенно печально выглядят молодые женщины, стремящиеся стать модными. Есть у нас такой полкус литературы, где свои дивиденды получают Яна Вагнер, Ася Володина, Анна Чухлебова. На их фоне даже Оксана Васьякина с очередной "Розой" смотрится возможной для воссоздания травмой. Но не является ли Гузель Яхина самым звучным и удобным именем для подобной упаковки печатной продукции?

украинка Катя, Россия пускает слюни, пьёт и разлагается" — Украина страдает от преданной любви. Варламов действительно старается, но получается, будто в чаш с мёдом решили добавить четыре ложки сахара — потом разочаровались и просто вылили, забыв при этом сообщить о самом главном. Рассказать о том, что вбивший всё в ничто филолог Слава нигуда не хочет уходить, жаела продолжать, погружая в обломовщину очередных поколения. Он всё бытие запланировал сделать своей монотонной речью, не терпящей присутствия другого.

А какой вообще должна быть Победа? По-настоящему мирный договор и признание новых регионов? Вся Украина наша? Русский парад в Лондоне и Париже с искрением глобалистской элиты? Или ещё сложнее: благие метаморфозы и покаяние человека потребительской цивилизации, его перевоспитание и возвращение на путь традиции?

Да и сама литература не может обходиться без своих собственных шутиров. Что это за шутиры? Появление романа или целого новаторского жанра, который саму словесность представит как победу? Да, только так! Приближая победу в Спецоперации, новейшая проза может подняться на невиданную высоту, без которой национальная словесность рубежа тысячелетий превратилась в развлечение праздных критиков и хитрозадых (разумеется, не всегда!) премияльных контор.

Я уверен: создать яростно сражающуюся книгу не менее важно, чем принять участие в боевых действиях. Пока в нашей новейшей прозе такой уверенности не нахожу. Да, это слишком резко, но пусть останется так.

Русская художественная словесность больна реализмом — в его особом принятии! Как? Ведь все говорят об обратном: игровые технологии, эпистемологическая неуверенность, запланированная интертекстуальность и прочая дрянь! Всё сложнее. На евразийском фланге, там, где патриоты героически воюют с либералами, словно выучили: реализм — религия Победы! Но так как гениев в литературе сейчас нет, то получается не великий реализм, а относительный натурализм, очерк, дневник, заметка, интервью и ограниченный по взрывным эффектам "новый реализм".

Риску посоветовать пишущим воинам давнюю, большую, похожую на манифест статью Владимира Бондаренко "Жрецы

нируются все потоки информации и читательская реакция на неё. Красота сладкозвучного Орфея уступает место проповеди о Русской Победе. Победа, следуя законам национальной сюжетики, сопрягается с трагедией. Пока она не воплощается литературно, она поступает из фактологии битвы: мы оставили Херсон, мы допустили гибель многих — мы вернём наш город.

Объявляя СВО русской Реконкистой, Николаев знает: "Наш народ напишет свой эпос, свою Песнь о Сиде". К этому и должна идти литература! И последнее о Николаеве: "Стремоусов оказался единственным самураем Русского Херсона. ...Честь и хвала это му человеку. Он придал именно ту степень трагичности, которая позволяет надеяться на наше возвращение". И совсем последнее: "Нам не хватает яркости бытия и ярких красок наших знамён". Да, пока именно так. Часто рассуждают об отсутствии российской победы в информационной войне. Однако не менее важно, что "не хватает яркости наших знамён".

ВЧЁМ ВИЖУ уже сейчас присутствующую литературную стратегию Победы? Несколько аргументов.

Внимание к народной трагедии значительнее интереса к причудливым травмам и субъективным фантази. Даже каталогизация бед, предпринятая Анной Долгарёвой, Валерией Троицкой, Евгением Николаевым, не просто перечисляет катастрофы людей Донецка, Луганска, Херсона, Мариуполя, но и показывает, что это и как — жить в центре огня, под атакой безликой артиллерии, умирать не в индвидуальном падении, а за право говорить по-русски и — хочешь или хочешь не всегда — за русский народ, которого вроде и нет уже. Ведь именно над его отсутствием смеялись литераторы большого, управляемого успеха! Иноагентская поэтика — отнюдь не всегда вульгарная публицистика и русофобия в лозунгах; там мысль о непереносимости дурно пахнущего, агрессивно гупного "народного тела", в присутствии которого всегда страдал изнывающая от тоталитаризма образованная и стабильно одинокая душа...

Личностная и соборная работа заменяет действительный и символический фриланс. Я двумя руками за усиление эпоса, за торжество пафоса, за новые формулы победы и сакральное осознание происходя-

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру

щего, за лозунг, флаг и жгуюто до молитвы идеологию! Я за военные рассказы Андрея Платонова и "Взятие Великошумска" Леоида Леонова! Однако все авторы, видимо, мудрее меня, поэтому ключевым сюжетом новейшей военной прозы оказывается работа — трудная, под артобстрелами и бесконечными беспилотниками, насыщенная энергией труда и смерти повседневность. В этом контексте информационная сила произведений Филиппова, Долгарёвой, Артиса огромна: как поддерживать гигиену, бороться с крысами, делиться чаем и едой с соседними подразделениями, выходить из запоя по гибели друга, спасать товарища от кропотлотеи, участвовать в транспортировке "двуохотого", реагировать на очередной налёт. Это не фриланс, обрадовавший и запугавший миллионы сограждан, ставший знаком очень ограниченной ответственности. Это работа — как испытание души и сознания готовности трудиться не только на себя. Следуя своему объявленному пафосу, скажу, что это творение государства снизу — при всех претензиях к официальным системам, которые сверху.

Внешний и внутренний Донбасс против "внутренней Монголии" и безграничной Теллурии. Больше тридцати лет русская литература не может обойти стороной два столба, которые издалека могут показаться вообще одним фетишем. И с началом Спецоперации они не только не исчезли, но и предстали в соответствующем времени дизайне. Виктор Пелевин выпустил "Путешествие в Элевсин", Владимир Сорокин опубликовал роман "Наследие". С одной стороны, в обеих книгах всё главное жестоко: Россия объявляет значение апокалипсиса, потом тщательно — опираясь на православие, милитаризм и, например, Достоевского — производит его как главный национальный продукт. С другой стороны, бежать надо ото всех русских бед как раз туда, куда и прежде бежали поклонники Пелевина и Сорокина. В герметичного, высокомерного — себя!

"Внутреннее" для литературы — это закономерно, но внутренний Донбасс, особенно сильный в книге Платона Беседина, совсем не то, что Монголия и Теллурия с протесным хохотом и уничтожением любого собора. Ещё важнее, что есть ценность земли, городов и сёл, утверждается реальность прошлого и будущего. И, как следствие, сила тела и общего дела — в противовес виртуальной вселенной певельников и сорокинских книг.

Литературный монотеизм оттесняет литературный буддизм.

Собиратели тишины — и образ, и программа: одновременно память о павших и ответ суетливым современникам. Сильный образ, ставший заглавием романа Дмитрия Филиппова, нечто важное говорит и о других текстах новейшей военной прозы. Во-первых, скромное, почти всегда тихое слово о погибших — гражданских и военных, о тех, кто собирался жить спокойнее и гораздо дольше, о поменявших имя на позывной, об оставшихся целостным сюжетом, маленьким фрагментом или просто отдельной фразой или жестом. Как Антон "Малой" у Филиппова, "Прочерк" у Артиса, Алексей Журавлёв или "Скрипач" у Долгарёвой, Мишка "Спартак" в раскассе Шорохова "Первый пленный". Во-вторых, эта особая тишина, полная лишения, риска и смерти, сопряжённая с постоянной возможностью для автора-героя пропасть без вести, не закончить, не добраться до финала книги, замолчать прежде кульминации — эта парадоксальная тишина среди взрывов свидетельствует о шуме мирской, далёкой от фронта реальности, цветущей и не желающей признавать страданий.

Наша новая военная проза — чтобы страхало меньше, а понимания Большого времени и необходимости Большого стиля заметно больше. Все эти дневники, записки, романы, сборники и рассказы участников — русские апологии в тяжёлое время собирания Запада в образе очередного дракона. И катарсис здесь иной — в уничтожении пространства покоя ради отказа от иллюзии почти состоявшегося глобалистского рая.

Алексей ТАТАРИНОВ